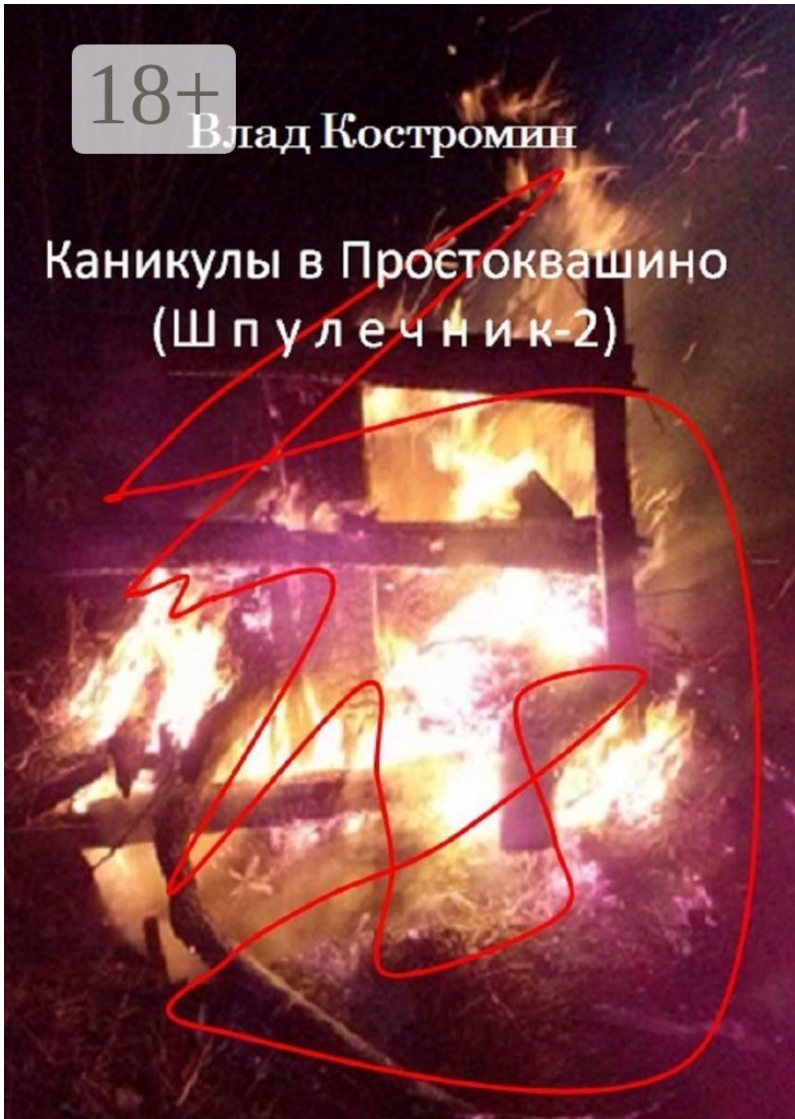

18+

Влад Костромин

Каникулы в Простоквашино
(Шпулечник-2)

Влад Костромин
Каникулы в Простоквашино.
Шпулечник-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56557203
ISBN 9785005110503

Аннотация

Продолжение мистического триллера «Шпулечник». События происходят с новой семьей, поселившейся в доме Романиных после их трагической смерти.

Содержание

I	5
II	18
III	31
IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Каникулы в Простоквашино Шпулечник-2

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2020

ISBN 978-5-0051-1050-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-1051-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каникулы в Простоквашино (Шпулечник – 2)

Продолжение мистического триллера «Шпулечник». События происходят с новой семьей, поселившейся в доме Романых после их трагической смерти.

I

– Когда я был мальчонкой, носил я брюки клеш, – напевал отец, монотонно покачиваясь на стуле, – соломенную шляпку, в кармане финский нож. Папашу я зарезал, мамашу я убил...

– Сереж, – словно от зубной боли поморщилась мать, – что ты всякие гадости поешь? Какой пример ты детям подаешь? Что они подумают?

– Рано им еще думать, – он по акульки осклабился. – Молоды вы еще думать, – протянул руку и щелкнул Федю по носу. – Так, Дядя?

– Так точно! – бодро ответил Федя, отклонившись назад, чтобы избежать следующего щелчка.

– Вот, вишь какая дисциплина, – умилился отец. – Как в прусской армии.

– В прусской армии тараканы были, – мать временами была забубенной. – А у нас тараканов нет.

– А мы заведем, – голосом отца Дяди Федора из мультфильма про Простоквашино сказал отец, – чтобы полный дом тараканов, всякие там прятки-салочки.

С учетом того, что он носил бороду и свитер, как у отца Дяди Федора, сходство было просто пугающим.

– Совсем ты тронулся, Сергей, – мать поцокала языком, – окончательно и бесповоротно. Тебя надо в дурку отправлять,

пока ты не начал голым бегать по крышам на четвереньках и выть на полную луну.

– Чего это я буду выть на луну? – пожал плечами отец.

– А чего вы, психи, на нее воете?

– Я откуда знаю? – отец снова пожал плечами. – Я на нее раньше не выл.

– Вот и пора лечить, пока не знаешь.

– В моем случае медицина бессильна, – отец скорчил страшную рожу и внезапно ударил меня левым локтем в лицо.

Но я, зная коварную натуру папы, был настороже и качнулся назад, одновременно закрываясь руками.

– Молодец, Кеша, – похвалил отец, – реакция в норме, – махом допил чай из моего стакана и встал из-за стола. – Пора на работу – меня ждут глобальные дела, масштаб которых сумеют оценить лишь потомки, – напялил снятую с висящих на стенке лосиных рогов, вместе с мебелью и посудой оставшихся от прошлых жильцов, коричневую фетровую шляпу. – Осваивайте дом, дети мои, постигайте новый мир.

– Только на чердак не лазьте, – строго сказала мать. – Неизвестно, – выразительно посмотрела на отца, – что там и как...

– Не выдумывай ты, – слегка напрягся отец. – Все там нормально. Никаких ночных ахов-страхов нет и в помине. Ладно, обживайтесь, пока мы скотом не обзавелись. Потом некогда будет, – вышел из дома.

– Оптимист, – мать тоже встала. – Но вы все равно не лезайте: там потолок тонкий, из оргалита, провалитесь за милую душу. Мне пора, вы тут не вздумайте дурью маяться, а то приду и накостыляю! – ушла.

– Как думаешь, почему те, кто жили здесь до нас, не забрали свои вещи? – спросил брат.

– Не знаю, может директорам дом с вещами дается?

Директором отца устроил двоюродный брат Леонид Филиппович Федосов, начальник цеха на заводе. Бобровка была подшефной деревней у соседнего цеха и Филиппович через коллегу по знакомству пристроил отца.

– А так бывает?

– Раньше не было, а теперь может и есть. Коммунизм же скоро должен наступить, вот и дают дома сразу с вещами.

– Может быть... – брат задумался.

Я собрал со стола посуду и пошел в ванную мыть. Странно, не думал, что в деревенских домах бывают ванные и канализация. Правда, дом, доставшийся отцу, стоял особняком от деревни, в большом яблоневоm саду. И газ был привозным, в больших красных баллонах. Два баллона стояли во дворе под окном кухни в зеленом железном ящике. Резиновый шланг через стенку соединял баллон с плитой. Баллоны привозили редко и мать велела строго экономить. Хотя, вчера отец, окрыленный назначением, хвалился, что проведет в Бобровку газопровод.

– Ты, Сереж, не хвались раньше времени, – осадила

мать. – Трубопровод дело такое, вилами на воде писаное, а баллоны под боком.

– Ничего, выведу совхоз в миллионеры, заживем!

– Ты сначала выведи, а потом мечтай, Бобровский мечтатель.

– Давай соломенную шляпу сделаем, – загорелся Федька, – как у Андрея Миронова в кино.

– Зачем?

– Будешь носить. Нож же ты носишь в кармане, а будешь со шляпой.

Охотничий нож, подаренный двоюродным братом отца – начальником цеха на заводе, я носил на ремне, засунув ножны в карман старых отцовских брюк и скрыв рукоятку под выпущенной старой же отцовской рубашкой.

– Шляпой?..

– Как ковбой будешь, – польстил брат. Он вообще очень любил ковбоев и отец под настроение даже называл его Джон Снулый или Бен Горбатый.

– Хорошо, давай. Но как? Где мы возьмем солому?

– Вроде я слышал, папка говорил, что на чердаке в сарае соломы полно.

– Нам же запретили на чердак лазить.

– Так то в доме, а то в сарае. Другое же совсем дело и не так высоко.

– Ладно, пошли, поглядим.

Взяли лестницу, стоявшую под чердачным окном, перетащили к сараю. Чердак оказался забит соломой.

– Видишь, – гордо сказал Федя, – полно соломы. Хоть на всю деревню шляпы плести.

– Интересно, зачем им было столько соломы?

– Корову кормить? Когда сено кончится.

– Может быть, – я зацепил охапку соломы.

В саду вдоль подвала под раскидистой яблоней стоял большой дощатый стол. Отнесли солому туда, вернули лестницу на место.

– Я видел в кладовке на веранде обои и клей, – сказал Федя, – можно из бумаги сделать, а потом соломой обклеить. И плести не придется.

– Хорошая идея, – я разложил солому по столу, выбирая соломины получше.

Что-то качнулось, пойманное боковым зрением. Поднял взгляд. Что-то цеплялось, царапало, будто заноза.

– Смотри, что это там?

– Где?

– Вон там, качается что-то темное, – подошел к ограде из горизонтальных березовых жердей, отделявшей двор от остального сада.

Пролез меж жердей, подошел. Федя юркнул следом. Болтался подвешенный к ветке футбольный мяч.

– Зачем тут мяч? – удивился брат.

– Не знаю...

– Я знаю, – из-за густых кустов, окружающих сзади наш туалет, вышел паренек, примерно Федькиного возраста. – На ней Вася боксом занимался.

– Кто такой Вася? – спросил брат.

– Они до вас тут раньше жили, Романины. Батя, Виктор Владимирович, директором был, как ваш, а Вася и Димка – дети. Я с ними дружил...

– А куда они уехали? – Федя был любопытен не в меру.

– Никуда они не уехали... – паренек отвернулся, глядя в сторону дороги, отделявшей сад от деревни.

– В смысле? – не понял я. – А где они?

– Умерли...

– Умерли?.. – переспросил Федя. – Все сразу? Чума?

– Батя умом тронулся и тетю Таню зарезал с Димкой, а Вася Виктора Владимировича застрелил. У них ружье было.

– Посадили его? – спросил я.

Теперь было понятно, почему остались вещи.

– Нет, он застрелился сам потом, – местный закусил губу.

– Зачем? – попятился Федя.

– Он тоже с ума сошел, когда увидел, что батя свихнулся.

– Мы не знали, – сказал я, – нам родители не сказали.

– Понятно. Я Чомба, – протянул руку.

– Имя такое? – удивился брат, пожимая ладонь Чомбы.

– Прозвище, – Коля покачал головой. – На улице так кличут. А так Коля я, Мартынец фамилия. Мы вон там живем, – Чомба показал в сторону дороги, – следующий дом за Коба-

НОМ.

– Кабаном? – уточнил Сашка.

– Сосед ваш, Колька Кобан.

– Кабан?

– Нет, Кобан, через О. Фамилия такая.

– Я Федор.

– А я Кеша.

– Кеша? Как попугай в мультфильме?

– Да, – я в очередной раз мысленно скрипнул зубами в бессильной злости. Постоянно приходится страдать из-за нездорового юмора любящего мультфильмы отца, действительно назвавшего меня в честь блудного попугая, а брата – в честь дяди Федора из Простоквашино.

– Ладно, я пойду, ребзя. Увидимся еще.

Из обрезков обоев мы сложили что-то вроде шляпы.

– Просто клеить что ли? – я задумчиво смотрел на картонку и охапку соломы.

– Сплести надо, вроде...

– А как?

– Я откуда знаю? – брат пожал плечами. – Ты старший, ты должен знать.

– Попробуем.

Плести солому было делом нелегким, но мы были настойчивы, а клей здорово помогал нам.

– Ну что? – к вечеру кривое подобие шляпы лежало

на столе.

Все вокруг было завалено склеенными кучками соломы и обрезками картона.

– Надо померить, – Федор широким жестом указал на шляпу.

– Почему я?

– Для тебя же делали...

– Ладно, – я напялил шляпу, покрутил головой.

– Ну как?

– Ничего так вроде...

– Не жмет?

– Да нет...

– Не жарко?

– Нормально.

– Господи! – в проеме калитки стояла остолбеневшая мать. – Господи! – она всплеснула руками.

Я попятился, брат юркнул мне за спину, будто был не при чем.

– Что это? – слабым голосом спросила мать, указывая дрожащей рукой на шляпу.

– Шляпа, – я попытался снять шляпу, но что-то мешало. Зацепилось что ли?

– Какая шляпа?

– Ну...

– Соломенная, – выглянул из-за моей спины Федор.

– Чего?!

– Соломенная шляпа... как батя пел. Теперь Кеша зарежет...

Договорить он не успел. Мать подхватила стоящий возле крыльца треснувший глиняный горшок и швырнула в нас.

– Я вам зарежу!!! Уроды!!! Козлы!!! Дети понедельника!!!

Я рванул шляпу, она порвалась. Ключья остались, приклеившись к голове.

– А-а-а!!!

Под «горячую руку» матери было лучше не попадаться – зашибет. Мы кинулись бежать. Вслед летели проклятия, угрозы и щебень. Протиснувшись меж березовых жердей ограды, выскочили в сад.

– Ладно, пошалили и хватит, – мать остыла необычно быстро. – Будя, возвращайтесь. Нечего народ дивить.

Мы неуверенно подошли к ограде.

– Сюда идите.

Перелезли ограду, подошли.

– Горе ты наше, – мать посмотрела на слипшиеся клоки моих волос, – придется стричь теперь.

– Как тифозный будешь, – захихикал Федька.

– Тебя тоже, карандух, – нахмурилась мать, – чтобы не смеялся над старшими. Садитесь вон на пеньки, сейчас ножницы принесу.

Мы усадились возле круглой железки, служившей кострищем. Мать вернулась с ножницами, попутно отвесив подзатыльник корчащему рожи Федьке.

– Не кривляйся, Дядя Федор! А то так и перекосорылишься на всю оставшуюся жизнь.

– А чего я? – надулся Федя. – Чего сразу я?

– Ничего. Кривляйся меньше и все будет в порядке, – мать начала срезать мои космы. – Как куделя у Емели. Надо же так завозить волосы, изгваздать все, – убрав ножницы, отвесила мне крепкий подзатыльник, заставивший загудеть голову.

– За что?! – я потер затылок.

– Для профилактики, – снова защелкала ножницами. – Чтобы дурью не маялся и дурной пример брату не подавал. Сиди ровно, не вертись, как мартышка и очки в цирке. И не повышай голоса на мать. Ведете себя как маленькие дикари, а можете же вырасти во взрослых лодырей, лентяев и тунеядцев.

Под занудные нравоучения состригла мои волосы, перешла к Феде.

– Что это тут у нас? – вдруг всполошилась. – Блудный, посмотри, что это у Дяди? – указывая, ткнула ножницами, едва не поранив ухо.

– Нет там ничего.

– Как нет? Ты что, окулярник слепой? Очки тебе купить? Смотри, клещ...

– Где?

– В Караганде! Вон та точка – это клещ! Так, немедленно в дом, будем доставать! Иначе, мементо мори!

Мы, подхватив под руки, бегом потащили ошалевшего

Федора в дом.

– Ножницы! Скальпель! Пинцет! Зажим! Спирт! – без устали командовала мать, довольная, что можно применить искусство врачевания. Она в молодости мечтала стать врачом и где-то насобираала хирургических инструментов. – Сейчас я мелкую пакость извлеку. Хотя, по уму, Дядя Федор, надо бы оставить эту паскуду в тебе, чтобы ты впредь знал, как мать не слушаться!

Сначала она намазала зловердное насекомое подсолнечным маслом. Клещ презрительно игнорировал масло и продолжал заражать Федьку. Покорный судьбе Федор обильно потел и млел от ужаса. Вместо подсолнечного масла намазала свиной жир, оставшийся от Романиных. На свиной жир клещ отреагировал, явив «отвратительную рожу».

– Вылезает, – прошептал я, – хватай его.

– Погоди. Надо посмотреть, что это за нечисть такая. Может, это и не клещ вовсе, а просто черви какие в Федоре завелись или наоборот, клещ чахоточный какой? Блудный, подай лупу из моей сумки.

– А где сумка?

– Ты что, совсем debil или придуливаешься? Где же ей быть? В холодильнике, конечно! – мать хранила сумочку в холодильнике, чтобы сберечь кожу. – Совсем ку-ку, да? Или придуливаешься? Не стой над душой! Отойти пока, ты мне свет загораживаешь! Надо будешь – позову.

Пока она с одухотворенным лицом занималась визуаль-

ным исследованием, подлый клещ, глотнув свежего воздуха, вновь начал, подражая Жаку Иву-Кусто, погружаться в глубины уха. Или просто засмутился от такого пристального внимания?

Бросив лупу и нецензурно кляня всю насекомью породу, взбешенная мать схватилась за пинцет. Понятно, что для дезинфекции, по своей привычке, пинцет она предварительно раскалила на конфорке газовой плиты.

– Что ты стоишь, свесив щупальца? – обернулась ко мне. – Держи ему руки! Вдруг биться начнет? Или ты хочешь, чтобы он мать покалечил? Чего молчишь то? Хочешь, чтобы покалечил меня, да?

– Да ничего я не хочу!

– Тогда держи!

Противостояния с раскаленной сталью клещ вынести не смог и под пронзительные Федькины завывания, покинул тело, так и не ставшее его домом. При этом оставил в ухе жертвы свою голову. Для устранения потенциального источника заразы педантичная мать, не обращая внимания на заходящегося в истерике Федьку, вновь накалила пинцет и расковыряла им ухо, освобождая от остатков клеща.

– Ничо, ничо, злее будешь, – приговаривала мать, по своей доброй врачебной традиции щедро заливая рану крепкой смесью спирта и йода. – Зато будешь знать, как мать не слушаться. Говорила же, что нечего по улице шляться! Лучше бы дома сидел и горох перебирал, как Золушка. Глядишь,

принц какой-нибудь малахольный и привез бы башмаки.

Федя то ли от боли, то ли от ужаса потерял сознание, и на дом, наконец, опустилась благословенная тишина.

С работы вернулся отец, с интересом рассматривая «операционную»

– Я, когда был маленький, то всегда слушал отца, – по привычке начал он назидательный рассказ. – А однажды не послушал, и началась у меня гнойная ангина. Положили в больницу. Удалили гланды, и сказали, что в течение суток нельзя ничего есть. А я, вернувшись в палату, увидел, что соседу передали колбасу. Посмотрел, как он с аппетитом ест, и тоже захотелось мне колбасы. Когда соседа позвали на процедуры взял из тумбочки колбасу и съел. И ничего со мной не случилось. Вот какое здоровье! А все потому, что родителей в детстве чтит. Галь, приберись и давай ужинать.

II

Мне снился парень, стоящий в нашей прихожей и целившийся из ружья в зал.

– Шпулечник, – закричал он, – выходи!

Послышались неторопливые шаги, заскрипели доски под ногами, в дверях возникла массивная фигура в старом плаще защитного цвета с надвинутым капюшоном. На левом плече копошилось что-то мерзкое: то ли уродливая птичка, то ли не пойми что.

– Руки подними, падла! – кричал парень.

Из глубин капюшона чье-то лицо бесстрастно смотрело на него.

– Руки подними, сука! – парень прицелился в темный провал капюшона.

Руки лениво поднялись к потолку.

– Капюшон сними! Сними, говорю!

Показалось, фигура хмыкнула. Правая рука сдвинула капюшон... на парня смотрел мертвый дед. Орехово-коричневое лицо его было бесстрастным, будто вырезанным из обветренного и потемневшего от времени дерева. Да и вообще он напоминал на случайно оживший древесный пень.

Парень попятился и тут я проснулся. Сердце колотилось, как у испугнутого собакой зайца. Лежал, глядя в потолок, где плясали уродливые ломаные тени, отбрасываемые ветка-

ми яблонь в свете фонаря, пытаюсь вырваться из цепких когтей кошмара. На чердаке скрипнуло: будто под тяжелыми, но осторожными шагами. Я приподнялся на локте, прислушиваясь. Сначала я подумал, что это ветер по чердаку гуляет, но потом явственно различил: нет, не показалось. Чьи-то шаги, скрипнула ржавыми петлями чердачная дверь.

Кто может лазить по нашему чердаку? Зачем? Родители спят дома, Дядя Федор сопит за недостающей до потолка перегородкой, разгораживающей комнату на две. Кто и зачем был на чердаке? Незаметно заснул.

– Пап, что такое Шпуделчик? – спросил я за завтраком.

– Ты где такое слово услышал? – прищурился отец.

– Просто...

– Просто?... – мать с трудом оторвала взгляд от своего стакана. – Просто слово?

– Ну да...

– Не знаю я, – сказал отец и о чем-то задумался, глядя на мать.

Она напряженно рассматривала что-то.

– Что там? – не выдержал отец.

– Сереж, глянь, как чайники плавают. Как узор какой.

– Тьфу на тебя, малахольная! На работу пора, а ты чай рассматриваешь, как чукча! Собирайся давай, чаевница! А то к Безумному Шляпнику попадешь...

– Кеша, – тихо сказал Федя, когда родители ушли на работу, – я видел, что в кладовке сало стоит.

– Откуда там сало? – не поверил я.

– Бочка такая деревянная стоит. С крышкой. Мы когда обои с клеем брали, я заглянул. Сало в ней...

– И что? – не понял я.

– Мамка про нее ничего же не говорила.

– Нет.

– Можно взять сало...

– А если она узнает?

– Откуда она узнает? Мы же не скажем.

– А если это проверка? Проверяют, возьмем или не возьмем.

– Папка проверяет? Он может... А мы вот как сделаем – верхний кусок поднимем, а возьмем с которого под ним. Они и не заметят.

– Думаешь?

– Посмотрят, что верхний не тронут и все. Не будут же все ворошить?

– Ладно, давай.

Осторожно пробрались в кладовку, сняли сбитую из досок крышку с сужающегося кверху деревянного бочонка с двумя торчащими «ушами», аккуратно вынули на подстеленную «Правду» верхний кусок сала: широкую и толстую пожелтевшую пластину.

– Старое сало, – облизнулся брат, – бабушка говорила, что

его в кулеш хорошо добавлять с луком.

– Ты что, кулеш собрался варить?

– Ты совсем дурак? – брат постучал себя по лбу. – С кулешом нас застукают. Так просто сала нажремся и все.

Подняли второй пласт сала, положили на газету.

– Прямо целый бок свиньи, – Федор наметился длинным ножом, оставшимся от Романиных.

Его зрачки расширились, взгляд нервно бегал по облюбованному куску. Брат напоминал сказочного людоеда, учуявшего «русский дух». Или это Баба-Яга «русский дух» чуяла? Я посмотрел в бочонок, протер глаза.

– Смотри, как будто волосы в соли.

– Да ну, – Федька недовольно отвлекся от облюбованного куска, ковырнул ножом в бочонке.

– Точно тебе говорю.

– У свиней бывают волосы?

– Щетина бывает. У папки помазок со свиной щетиной.

– Значит, сало не побрили и все дела, – брат, потеряв интерес, вернулся к куску, примерившись теперь с другой стороны.

Я ковырнул соль, еще... Вытащил пряди волос, потянул...

– Что ты там возишься? – недовольно оглянулся Федя. –

Не тормози соль...

Осекся, глядя в припорошенные солью мертвые глаза девочки. Я держал на весу слегка покачивающуюся отрезанную голову.

– Ты?.. Это?.. Зачем?.. – попятился к выходу из чулана брат.

– Она внутри была...

– Голова?..

– Голова...

– Настоящая?..

– Да...

– Что теперь делать?

– Надо родителям звонить, – я уронил страшную находку обратно в бочонок.

– Попадет нам за сало... – отвел взгляд брат.

– А что делать? Не прятать же голову обратно.

– Да, придется признаваться.

Два трехзначных номера: кабинета отца и бухгалтерии матери были написаны на листочке, выскакивающем из желтого телефона VEF-TA при нажатии на черный рычажок. Отцовский номер отозвался длинными гудками, в бухгалтерии гудки сначала были короткими, потом трубку сняли.

– Алло, – сказал незнакомый женский голос.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, вам кого?

– Галину Семеновну позовите.

– Минуточку, – в трубке что-то пошуршало, затем прозвучал голос матери:

– Алло. Слушаю.

– Mam, это Кеша.

- Что случилось, Иннокентий?
- Мы тут... голову нашли...
- Чью?
- Не знаю...
- Тут плохо слышно... Что вы нашли?
- Голову нашли...
- Чью?
- Девочки.
- Какой?
- Я ее не знаю.
- Где вы ее нашли?
- В бочке с салом...

Трубка помолчала, мать обдумывала возникшую ситуацию.

– Ты понимаешь, что если это твой очередной дурацкий розыгрыш, что я тогда с тобой сделаю?

- Это не розыгрыш...
- Тебе очень повезет, если это так. Ждите.

Трубка запиликала короткими гудками. Мы сели на стулья в прихожей и стали ждать.

- Сначала приехали родители.
- Где ваша дурацкая голова? – спросила мать.
 - В чулане... – ответил я.
 - Какие черти вас туда занесли?
 - Просто... смотрели...
 - Мозги мне не тряси! Просто смотрели, воришки мел-

кие? – мать заглянула в чулан, прищурилась. – Сереж, вроде как голова? – неуверенно посмотрела на отца.

– Она самая, – подтвердил он.

– Что будем делать?

– Шила в мешке не утаишь. Милицию вызывать, что же еще?

– Милицию?

– А что? Видно от Романиных осталась... – отец зашел в дом и позвонил в милицию.

– А вы получите, – мать погрозила кулаком, – что бы не шарились по закромам Родины, дети мультфильмов. Мало вас, значит, родители кормят, что вы как крысы по кладовкам шныряете!

– Мы... – начал Федя.

– Ты мне еще помычи, Герасим! Потом, все потом, – лицо матери стало почти таким же зловещим, как у отрезанной головы девочки. – Потом поговорим.

Приехала милиция, усталый следователь, представившийся Олегом Александровичем, опрашивал нас за столом под яблоней.

– Ну что там, Сергей Викторович? – поднял взгляд на подошедшего майора.

– Нашлась Марусина голова, где не ждали, – майор снял фуражку и вытер вспотевший лоб большим носовым платком. – Кто бы мог подумать?

– Дела... – следователь достал из кармана помятого пиджака помятую пачку «Стюардессы», закурил, глядя в сад. – Опять дело открывать придется?

– А зачем? – майор вздохнул. – Там и так все ясно.

– В связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Нет?

– Смысла нет. Подзахоронить голову к телу и все дела.

Марусю все равно не вернешь, а ковыряться в закрытом деле людей нет.

– Хорошо, – следователь затушил сигарету, аккуратно положил окурочек в пачку. – Согласен. Вы, ребята, сами погуляйте пока, а родителей сюда позовите.

Милиционеры забрали голову, бочонок и следователя и уехали.

– Не страшно одним дома оставаться? – спросил отец.

– Нет, – я покачал головой, а Федя молча кивнул.

– Тогда мы с мамкой на работу, а вы за старших.

– А вечером поговорим, – напомнила мать.

– Вот видишь, – Федя крутился по прихожей, – ничего особо нам не попало. Даже жалко, что я сала не отрезал. Сейчас бы перекусили.

– Ты того? – я покрутил пальцем у виска. – Там же голова рядом с салом лежала.

– И что? Соль убивает всякую заразу.

– Ты помешался уже на еде.

- Да ну тебя, – обиделся брат. – Я вот хотел тебе сказать, но теперь не буду...
- Что хотел сказать?
- Не буду.
- Ну и черт с тобой.
- Не ругайся, а то язык отсохнет. И вообще, ты должен быть примером, а ты?
- Отвали!
- Ладно, так уж и быть, – Федя нырнул на кухню. Вышел, что-то пряча за спиной. – Угадай, что тут?
- Не знаю.
- Угадай.
- Сало?
- Нет, не сало. У тебя еще две попытки.
- Хватит уже.
- Ладно, – брат показал начатую пачку какао.
- Где ты его взял?
- Нашел.
- И зачем оно тебе?
- Заварим, пока никого нет.
- Если мать узнает...
- Это если узнает. А откуда она узнает? Мы кружки по-моему и она не догадается.
- Тут головы мертвые, – вздохнул я, – а тебе лишь бы поест.
- Война войной, а обед по расписанию, – повторил отцов-

скую мудрость Федя. – Не нуди, давай лучше какао попьем.

– Его же варить надо.

– Зачем? Кипятком зальем и все дела. Кисель же так делали.

Кисель Федька спер в столовой и мы его три раза пили, пока мать не нашла во время обыска. Кисель отняла (отец его выпил потом), а нас долго секла шнуром кипятильника, за то, что не поделились добычей с родителями.

– Сам погибай, – приговаривал держащий нас отец, – а родителей выручай. Запоминайте, дети мультфильмов. Так их, так, Галя, шибче, шибче, поддай газку.

И голосом Матроскина говорил нам:

– Неправильно ты, Дядя Федор, бутерброд ешь. Надо колбасой на язык класть, так вкуснее. Лупи, Галина, пусть знают вкус павидла.

Только начавшиеся по телевизору «Спокойной ночи малыши» прекратили избиение. Отец старался никогда не пропускать Филю со Степашкой и Каркушей.

– Еще раз повторится такое, – сворачивая кипятильник, тяжело дышала мать, – и задущу этим проводом, как шелудивых котят.

– Котят топят, – со знанием дела сказал от телевизора отец.

– Сначала придушу, а потом утоплю, – кивнула мать.

Вообще, от Романиных осталось довольно много еды: под-

пол на веранде и подвал в саду были забиты картошкой и банками с огурцами, помидорами и грибами.

– Харчами мы на первое время обеспечены, – сказал в первый день переезда отец, довольно потирая руки, – до зимы продержимся, а там видно будет. Еще и огород посажен, с зеленью да картошкой будем.

– Знаешь, мне странный сон приснился, – прихлебывая из кружки горячий какао, начал я.

– Бом-бом-бом, – громко пробили старые настенные часы. Мы вздрогнули, а Федя от неожиданности облился какао. За неделю, прожитую в доме, часы били первый раз.

– Чего это они?

– Не знаю, – я встал со стула и подошел к часам. – Интересно, кто их завел? Они же стояли.

– Может, папка?

– Не знаю.

– Или милиционеры.

– Зачем?

– Откуда я знаю? – брат попытался оттереть какао со старой отцовской рубашки. – Не стирается... – растерянно посмотрел на меня.

– Теперь нам хана! Говорил же, не надо нам это какао!

– Не ной, ты вечно ноешь. Сейчас стираем. На солнце быстро высохнет.

Взяли в ванной мыло и пошли на огород: вдоль стены дома стояли большие железные бочки, в них грелась на солн-

це вода для полива грядок. Стирали, терли мылом, пытаюсь убрать предательские коричневые пятна. Повесили мокрую рубашку на бельевой веревке возле подвала.

– Не бойсь, высохнет, – Федька в свисавшей как ночнушка растянутой отцовской майке сидел на пеньке, – никто и ничего не узнает.

– А если не высохнет?

– Ну... скажем, что случайно, об дерево испачкался.

– Не поверит мамка. А если поверит, получишь, чтобы по деревьям не скакал.

– Это да, – Дядя Федор окончательно сник. – Зря мы сюда приехали.

– А кто нас спрашивал?

– Не могли папке работу в другом месте дать?

– В каком? То-то мамка удивилась, что ему вдруг место директора предложили. Его же все считали странным, а тут бац, и место директора. Оно и понятно, никто не согласился в доме, где психи жили, жить, а папка и рад.

Какао не отстиралось. Пришедшая с работы мать подозрительно принюхалась и осмотрела Дядю Федора.

– Это что? – брезгливо ткнула пальцем в пятно.

– Где? – попытался придуриться Федя.

– В Караганде, – лицо матери потяжелело. – Дурачком решил прикинуться? Купоросник!

Такое слово от матери мы слышали впервые.

– А что такое купоросник? – спросил Федя.

– Издеваешься? – она внезапно пнула Федю в живот.

Брат согнулся, схватившись за живот.

– Придушу! – мать бешено посмотрела на меня.

Я шарахнулся назад. Первый раз видел мать такой. Неужели тоже стала сходить в этом странном доме с ума?

III

Спалось мне тревожно: снова мучил вчерашний сон: парень целился в мертвого деда-Шпулечника и пятился. Проснулся: по потолку бегали блики, будто поверхность воды, потревоженная брошенной рукой недоумка булыжником. Казалось, что белый оргалит пошел волнами, отражаясь в пожелтевших от сигаретного дыма шторах. Мать все плевалась и обещала заменить шторы, но так до них пока и не добралась.

На чердаке явно кто-то ходил. И все как вчера – тяжелая уверенная поступь тяжелого ходока: протопал к двери, скрипнула дверь. Превозмогая страх, я встал со старого продавленного и протертого дивана, оставшегося от Романиных, и на цыпочках пошел на веранду. Тихо приоткрыл дверь, юркнул на веранду. Прислушался. Слух мой обострился настолько, что я слышал, скрип ступенек приставной лестницы под тяжестью неизвестного. Увидеть, кто спускался по лестнице, мне мешал чулан. Скользя к входной двери, осторожно, будто боясь, что укусит, я отодвинул засов. Прокрался на крыльцо, ступил босыми ногами на холодную землю, выглянул из-за угла...

От дома в сад не спеша шла высокая фигура в плаще с капюшоном. Плащ очень напоминал плащ из навязчивого ночного кошмара. Нестерпимо захотелось закричать: «Шпулеч-

ник!». Словно прочитав мои мысли, фигура резко обернулась...

Я проснулся. Лежал на диване, надо мной склонились сонные родители. За окном светало.

– Блудный, ты чего орешь? – широко зевнул отец. – Кругом же люди спят.

– Сереж, можно понять, – мать приложила к моему лбу прохладную ладонь, – ребенок голову нашел отрезанную, кошмары теперь мучают.

– Я в его возрасте, – напыжился отец, – ел копченую грудинку и пил ром из большой коричневой бутылки и никакие кошмары меня не тревожили. Так, юнга?

– Так точно, сэр, – подтвердил я.

– Ночью надо спать в оглоблях. Дядя Федор вон спит, как сурок без задних лап, и никакие кошмары его не мучают. А ты как кисейная девица размяк. Ложись и спи, юнга. Поели, теперь можно и поспать. Утром нас ждут великие дела и трудный день, – протяжно зевнул.

– Что хоть приснилось, Кеша? – участливо мать.

– Галь, да какая нам разница, что ему приснилось? Голова отрезанная и приснилась. Это же элементарно, как Ватсон. Пошли спать. И ты спи, Блудный. Вот что я скажу тебе, птичка: не можешь спать – научим, не хочешь спать – заставим. Лучше день потерять, потом за пять минут долететь.

– Сереж, так нельзя. Умные люди пишут, что детям надо выговариваться, а то будет эта, как ее? – Пощелкала пальца-

ми, вспоминая слово. – Прустрация.

– Лишь бы не поллюция, хи-хи-хи.

– Тьфу на тебя! Нечего всякие гадости при детях говорить! Привык жить в своих дурацких мультфильмах. Лучше бы умные журналы почитал. Так что тебе приснилось, Кеша?

– Мне снился какой-то парень, стоящий в нашей прихожей. Он целился из ружья в зал. «Шпулечник, – закричал он, – выходи!» Послышались неторопливые шаги, за скрипели доски под ногами, зале появилась большая фигура в старом плаще защитного цвета с надвинутым капюшоном. На левом плече копошилось что-то мерзкое: то ли уродливая птичка, то ли не пойми что. «Руки подними, падла!» – кричал парень. Лицо смотрело на него. «Руки подними, сука!» – прицелился в лицо. Руки лениво поднялись. «Капюшон сними! Сними, говорю!» Фигура хмыкнула. Правая рука сдвинула капюшон... на него смотрел мертвый дед с темным лицом. Парень попятился...

– И что тут страшного? – отец зевнул еще шире.

– Они были в нашем доме...

– Просто похож, – неуверенно покрутил головой отец.

– Точно наш. Вся мебель такая и рога. Парень стоял в прихожей, а дед в дверях зала...

– Х-м... – отец наморщил лоб.

– А потом что? – не выдержала мать.

– Потом я проснулся и услышал шаги на чердаке.

– Тут? – мать указала в потолок.

– Да. Кто-то шел к двери.

– Это кошки, – уверенно сказал отец.

– Шаги были как у человека, – возразил я.

– Тебе спросонья показалось.

– Шаги тяжелые, – настаивал я.

– Просто потолок тонкий, вот и, кажется, что тяжелый идет.

– Сереж, ты чердак проверял? – мать озабочено посмотрела на отца.

– Галь, ты что думаешь, там правда кто-то ходит? Кто-то замышляет зловещее преступление на крыше? – усмехнулся.

– Проверял или нет?

– Ну... – отвел взгляд.

– Что ну? Баранку гну! Не юли!

– Ну... проверял...

– Как бочку с салом? Так же?

– А кто знал, что там, в глубине, голова? Я сверху посмотрел, вижу, сало. Приметил размер и положение верхнего куса, чтобы дети не воровали. Думал хорошо, свиней первое время держать не надо...

– Не носи чушь! – вскинулась мать. – Из-за твоей лени мы забрались в какой-то бобринный угол с маньяками и отрезанными головами!

– Подумаешь, – с постным лицом отмахнулся отец. – Зато директором стал.

– Из тебя директор, как из меня балерина!

– А как в первые годы советской власти вообще простые неграмотные матросы, назначенные партией председателями и директорами, командовали колхозами и заводами? Хочешь сказать, что они понимали в промышленности и сельском хозяйстве? А ведь осуществили индустриализацию и коллективизацию! – поучающе помахал у матери перед носом пальцем.

– Так то в первые годы, тогда любой грамотный уже как Дом Советов считался, а сейчас каждый второй с высшим образованием. Ты просто единственный дурак, которого нашли на это гиблое место! Тут же не просто так люди с ума сходят! – в голосе матери явственно прорезались истерические нотки.

– Никто с ума не сходил...

– Да что ты говоришь? Прошлый директор просто так головы всей семье отрезал? Просто так голову племянницы привез из другой деревни и засолил с салом?

– Единичный случай. И там не сумасшествие, а семейные распри из-за наследства.

– Ты сам себя слышишь?! Ничего себе наследство: рассыпающаяся лачуга и гора трупов! Не дури мне мозги! – мать вышла из комнаты. – Ты как хочешь, а я в субботу поеду к маме!

Скрылась в спальне, отец ушел за ней.

– Что там? – выглянул из соседней комнатушки проснув-

шийся Дядя Федор.

– Опять поругались.

– Знаешь... – брат понизил голос, – я тоже шаги слышал...

– Правда?

– Да... и вчера ночью то же...

– А сон? Сон про ружье и деда видел? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– Не знаю, – виновато ответил брат. – Я не помню сны.

С тех пор, как сюда переехали... Здесь словно что-то летает в воздухе...

– Что?..

– Не знаю, – Дядя Федор беспомощно развел руками, – что-то невидимое, но странное.

Я молчал, не зная, что сказать.

– Ладно, я спать, – Федя ушел.

После молчаливого завтрака мать заявила:

– Я к бабушке съезжу, а то ей нездоровится.

– Пирожков ей отвези, – кивнул отец. – К бабушкам без пирожков никак не можно.

Мать зло посмотрела на него, но промолчала.

– Лучше день потерять, но родительницу навестить, – не унимался папаша.

– Сережа, – голос матери звенел от напряжения, – не юродствуй!

– Езжай, Галина, – махнул рукой. – А мы тут с детьми

делами займемся.

– Какими еще делами? – подозрительно прищурилась мать.

– Корову заведем, – голосом Матроскина мечтательно промурлыкал отец.

– Какую тебе корову, чудо? – оторопела мать.

– Обычную корову, пятнистой масти, с рогами и выменем. Назовем ее Муркой.

– Сережа, тебе надо голову лечить. Не зря тебя из армии комиссовали...

– Меня по ранению комиссовали! – вскинулся отец. – Я кровь проливал!

– Чью ты кровь проливал?

– Галь, лучше помолчи, а то я пришлю тебе черную метку и посмотрю, какого цвета у тебя потроха.

– Баран! – мать грохнула стаканом о стол, отколов дно. Чай хлынул из стакана. – Господи, за что мне такое наказание? – со слезами убежала в спальню.

– Я ведь раньше почему такой вредный был? – отец провел пальцем по растекающейся чайной луже.. – Потому, что у меня велосипеда не было, а теперь...

– А теперь ты доиграешься до дурдома, – мать вышла из спальни в плаще, с сумкой и со старым чемоданом. – Я поехала, а вы тут сходите с ума, как хотите.

– Галя, тебя подвезти?

– До остановки я сама дойду, – гордо вышла за дверь.

– Вот до чего телевидение дошло, – прокомментировал отец, изобразив на лице подобие злобной ухмылки, – скоро сама на лыжах будет до нашего Простоквашино добираться. Ладно, пора вершить историю, – встал, снял шляпу с лосиных рогов. – Юнги, пакгауз в вашем полном распоряжении, но есть одно но: курам нужно подготовить места для проживания.

– Каким курам? – не выдержал я.

– А ты что, Блудный, думал, что сразу корову осилишь? Корова животное душевное, чуткое, к нему особый подход нужен. С курей будем начинать поднимать целину. И вот еще что, – обернулся в дверях, – автобус тут ходит только по выходным дням, утром и вечером, так что мамка скоро вернется... Постарайтесь не попадать под горячую руку.

– Здравсте, я ваша тетя, – в открывшуюся дверь вошла мать. – Не ждали?

– Ждали, – отец, придержав шляпу, изобразил низкий поклон. – А мы тут курей решили завести...

– Сереж, с курами возни много, – мать задумчиво созерцала нас. – Кормить их надо, насесты там всякие, наседки, гнезда...

– Куры это не утки, дело не хитрое, – заявил отец безапелляционным тоном. – Насест дети сделают, не все же им за моей спиной прятаться. Зерна я могу сколько угодно привезти, сегодня к вечеру для начала мешок припру. Будут пастись в саду, травку щипать, козьявок ловить, да нестись. По-

том наседки появятся, разведем птичий двор, – мечтательно причмокнул губами, – будем продавать яйца и богатеть. За морем телушка полушка, да рубль перевоз. Зато с яйцами перебоя не будет: хоть с крутыми, хоть в мешочек, хоть всмятку.

– Не так это просто, – мать не скрывала скепсиса, – курей держать – это не свиней сахаром откармливать. Свинья все жрет, а кура птица деликатная, она всякую дрянь жевать не станет.

– А они жуют? – подал голос Федя.

– Конечно, жуют, – ответил отец, – в нашей жизни все жуют. Хочешь жить – умей жевать. Галь, ты не права, – посмотрел на мать. – Я все-таки директор. Уж с куроводством-то как-нибудь справлюсь. Блудный, – перевел на меня взгляд, – подбери к вечеру строительные материалы, я приду с работы и объясню, как насест делать.

– Какие материалы?

– Гвозди в сарай принеси, молоток, – отец задумался, – пилу еще...

– Топор, – подсказала мать.

– Топор, – отец согласно кивнул, – ... пилу...

– Пила уже была, – сказал Федя.

– Не сбивай, – как от назойливой мухи отмахнулся отец, – это другая пила, по металлу. Деревяшек всяких...

– Жерди круглые надо, – внесла свою лепту мать, – чтобы курица могла лапой написать, тьфу ты, совсем одурела с ва-

ми, купоросниками, охватить.

– А какой у нее охват? – спросил я.

– Какой? – мать задумалась и стала сгибать левую ладонь, что-то прикидывая. – Где-то вот так, – показала скрюченную ладонь.

– Галь, что ты несешь? – остановился на пороге отец. – На глаз прикидываешь, тоже мне, умная Эльза выискалась. Надо диаметр в два с половиной сантиметра.

– Это сколько? – спросила мать.

– Вот столько, – показал свой толстый указательный палец, – и еще чуток потолще, на три четверти.

– Так нормально будет? – засомневалась мать.

– Я же не из головы это взял, – солидно кивнул отец, – это общеупотребительные справочные данные, обобщенные с учетом мирового опыта.

– Мирового опыта? – подозрительно сморщилась мать.

– А-то, – как укушенная оводом лошадь, закивал головой отец, – про суринамских мусорных кур, небось, слыхала? – злобно ухмыльнулся.

– Нет...

– Вот видишь: ты не слыхала, а они есть! – торжествующе закончил отец и вновь вспомнил про меня. – Брусков при-тащи, досок ну и там по мелочи всего, – сделал движение рукой, будто плыл шустрый головастик, – гвозди, шурупы, шайбы.

– Где бруски и доски взять?

– Ты что, debil? – удивился отец. – Я тебя чему учу?

– Не своруешь, где возьмешь? – неуверенно уточнил я.

– Верно, вот и молодец. И смотрите, не попадитесь, а то позору на весь район из-за вас не оберешься потом, – вышел за дверь.

– Не гордыбачьте с отцом, – сказала мать, – ишь ты, выискались умники, – привычно отвесила Федьке мощный подзатыльник. Отвесила бы и мне, но поленилась обходить стол. – Какие отец сказал, такие жерди и тащите. Ладно, мне на работу пора собираться, если автобусы сегодня не ходят, – прошла в спальню.

Мы хмуро доели хлеб, Дядя Федор попытался вылизать сковороду, но безуспешно.

– Нет ничего, – обиженно сказал он, с недоумением посмотрев на меня.

– После папки там ничего и не могло остаться, – я, как мог, утешил брата.

Из спальни вышла переодетая мать.

– Смотрите, не попадитесь, – погрозила кулаком. – Ну ладно, до вечера, – напевая попури из модных песен, выпорхнула из дома.

– Я вот подумал, можно прямо со склада взять. Там через посадка недалеко.

– Поймают, – брат тревожно блеснул глазами.

Склад стройматериалов располагался под открытым

небом между конторой и лесопосадкой. От посадки его отделял хлипкий забор из порванной во многих местах ржавой металлической сетки. Мы прошлись по саду до болотца, свернули в посадку, пригнувшись перебежали дорогу, нырнули в другую посадку. Затаились, наблюдая за обстановкой.

– Поймают, – как надоедливый комар, нудел Федя, часто лупая глазами, – побьют. Побьют нас деревенские.

– Чего нас побьют? – я примерился к прорехе в сетке.

– Поймают и побьют, – упрямо тянул свое брат.

– Не нуди, – оборвал я.

Обидевшись, Федор сорвал листья с молодой ракиты и начал молча их жевать. Я терпеливо наблюдал за складом. Все было тихо и спокойно, люди были на работе, никто не спотыкался в поле зрения.

– Я пролезу, – окончательно решившись, сказал я, – и буду тебе передавать в дыру, а ты тут складывай. Там, если что, за бурьяном не видно.

– А если увидят?

– Если свистну, то убегай. Понял?

– Понял, – Федя проглотил пережеванные листья. – А куда мне бежать?

– Домой беги. Куда же еще?

– Мало ли...

Я пропихнулся в прореху и начал бродить меж стопок дощатых щитов, оставшихся от несобранных домов, прикидывая, где в этом царстве деревянных прямых могут быть спря-

таны круглые жерди. Обойдя склад, из подходящего приметил лишь кучу тесинок и штабель брусков. Начал таскать бруски к дыре и передавать брату.

– Не хватит еще? – тревожно оглядываясь спросил Федька минут через двадцать.

– Ну... – я почесал затылок, – может и хватит. Сейчас еще чуток и все, – приступил к тесинкам.

– Мы столько не унесем, – вскоре снова подал голос брат.

– Ладно, хватит, – я дошел до широкого проема, через который на склад заезжали, вышел, обошел угол и посадкой дошел до брата.

– Сначала перенесем через дорогу, а потом оттащим домой, – посмотрев на материал, решил я.

Шустро, как крысы, за несколько раз перетасили краденое через пыльную дорогу.

– Сходи за тачкой. На тачке быстрее отвезем. За пару раз обернемся.

– Я боюсь идти один, – замялся брат, – вдруг кто-нибудь нападает?

– Тогда стой тут, карауль, а я схожу.

– Тут меня могут поймать и побить, – скорчил обиженную гримасу. – Мамка говорила, чтобы ты меня не бросал.

– Тогда ты иди за тачкой. Мне отсюда тебя видно, и если кто-нибудь нападет, то...

– Хорошо, – поминутно оглядываясь, Дядя нервной рысью потрусил к дому.

Вернулся с тачкой, оставшейся от Романиных. Погрузились и стали ее толкать. Тяжело, но шла.

– Мы как бурлаки на Волге, – пропыхтел Федя.

– Там они тянули, а мы толкаем.

– Давай тянуть.

– Лямки нужны.

Притащились домой, сволокли добычу в сарай, вернулись за второй порцией, привезли и ее.

– Где жерди будем брать? – задумчиво рассматривая добычу, спросил я. – Есть мысли?

– У той бабки, что по крайней улице живет, забор из таких круглых, можно взять.

– Точно, можно со стороны леса подобраться и вырвать из забора, – «загорелся» я. – Пошли, только надо веревки взять.

За веревками не надо было далеко ходить. В кладовке на веранде стояло две катушки белых капроновых ниток. Отхватив пару кусков веревки, отправились в путь. Сначала через сад, потом через перекресток, нырнули в продолжающуюся посадку. Поравнявшись с заброшенным песчаным карьером, оставшимся после строительства дороги, свернули влево. Вышли из перелеска и не спеша потащились по полю вдоль околицы. Вот и плоховатый забор. Собака бабка на свою беду не держала. Я начал вырывать из живописного плетня подходящие по размеру круглые палочки, а Дядя Федор прихватил две треснувшие глиняные кринки, висев-

шие на столбах.

– Зачем они тебе?

– В хозяйстве всегда пригодится, – выдал брат усвоенную от отца мудрость. – Не своруешь – где возьмешь?

– Пора валить, – я шустро связал жердочки в вязанку, закинул на спину и поспешил к посадке.

Дядя Федор с крынками пыхтел следом, напоминая Пятачка, несущего за Винни-Пухом медовый запас. На перекрестке нелегкая вынесла навстречу какого-то деда и собачонку.

– Знать, хворост собирали, хлопцы? – дед широко расставил ноги в побитых жизнью валенках, прочно утвердившись на нашем пути, и пыхнул духовитой самокруткой. – Аль по грибы ходили? – хитро прищурился.

– По грибы, – мелко-мелко, как китайский рикша, закивал головой Федька. – По грибы, деда.

– С горшками? – разглядел груз дед.

– А что тут такого? – спросил я. – Мы же не с чемоданом ходили, в конце концов.

– Есть грибы? – подумав, пожевал губами дед.

– Есть.

– Какие?

– Какие? – теперь задумался я, что же соврать настырному старикану. – Всякие...

– Сырогрызки!!! – подпрыгнув, отчаянно выкрикнул решивший прийти мне на помощь Федя.

– Чего это он? – попятился дед, едва не наступив на собачонку.

Собачонка злобно зарычала, но предпочла убраться из-под ног хозяина.

– Сыроежки, в общем, – перевел я. – Он слова у нас путает. С детства такой, его коза напугала...

– Ну, тады ладно, – дед аккуратно засунул окурок в карман потрепанного пиджака и потянулся. – Тады оно того, свойственно молодежи. От же ж йоксель-моксельники, – крикнул.

– Мы пойдем? – спросил я.

– Идите, – шустрый старикан прикурил следующую самокрутку, – коли от старших ума набраться не интересно, то ступайте, бегите по своим никчемным делишкам, сорванцы.

– Нам интересно, – дипломатично сказал я, – просто дела дома много, а то бы послушали.

– Не смею задерживать, – дед изобразил щелчок каблуками, что в валенках смотрелось угнетающе, и, напевая «На сопках Манчжурии», пошел по своим делам.

Собачонка угрожающе посмотрела на Федьку и, выпятив челюсть, гордо прошествовала мимо. Мы кинулись в сад, чтобы еще кого-нибудь не вынесла нелегкая.

– Заподозрил он нас, – скулил брат, – всем про нас расскажет.

– Кому он расскажет?

– Всем!

– Про что?

– Про все!

– Не выдумывай ты, – дошли до дома. – Ничего он не понял, просто подумал, что ты дурачок.

– А-а-а, тогда ладно, – успокоился Федя и водрузил трофейные горшки на подставку для обуви, стоявшую на крыльце. – Папке покажу.

Я отнес жерди в сарай.

Отец явился с работы слегка подвыпивши.

– Как дела, архаровцы?

– Я горшки добыл, – похвалился Федя.

– Ночные? Из детского сада? Ха-ха-ха.

– Нет, с забора.

– Покажи.

Федя приволок трофеи и гордо продемонстрировал.

– Мародерствуешь и тащишь домой дрянь всякую. Горшки треснутые, ни на что путное не годны, – рассмотрев добычу, подытожил отец.

– Мы гнезда в них сделаем, – скромно потупился брат, – для куриц...

– Гнезда? – отец ожесточенно, будто коросту, почесал затылок, а потом постучал пальцем по горшку. – Из этого? – постучал пальцем Феде по лбу. – А ты не такой дурак, как маменька твоя, весь в меня. Ты чем порадуешь? – палец уткнулся в меня.

– Мы брусков принесли, жердей, тесин.

– Где взяли?

– Со склада, что возле сада.

– Молодцы, юнги, догадались, так держать! Никто вас не видел?

– Нет, сэр, – переглянувшись, в один голос сказали мы.

– Хвалю, – встал со стула, – айда в сарай, будем строить куриное царство.

Он бодро ломанулся на выход, мы, как журавлиный клин на юг, потянулись следом.

– Табуретку возьмите, – оглянувшись, велел отец.

В сарае он уселся на табуретку и начал руководить.

– Вон ту доску прибейте к стене. Нет, ниже, нет, выше, ровнее, еще ровнее, вот так. Колотите ее.

Федя помогал, придерживая, я приколачивал.

– Вроде неплохо, – отец критически осмотрел нашу работу. – Для таких криворуких как вы, вполне прилично, – достал из внутреннего кармана пиджака «четверку», глотнул, закрутил, спрятал обратно.

– Теперь вон ту доску, нет, не ту, да, ту, вон на ту стену.

– Она же кирпичная, – сказал я.

– И что?

– Как к кирпичу прибивать? – спросил я.

– У неумехи руки не болят. В раствор бей. Всему учить надо, – сокрушенно вздохнул отец, – ничего сами не могут сделать, – утомленно закатил глаза.

С грехом пополам, погнув три гвоздя, прибили доску.

– Куроводство – наука точная, – папаша изволил подняться и померить рулеткой. – Криво, но да ладно. Тут по бруску, потом отпили тут, – указующий палец порхал, как безумная бабочка, – потом вот так, как ножки.

Он снова рухнул на табурет, мы стали выполнять.

– Куры могут даже глистов жрать, – разглагольствовал отец. – Да, глисты вам не клесты, вот. Теперь жерди колотите. Не так. Поперек засаживайте. Левее! Ниже! Прибывай, – снова хлебнул водки. – У меня глаз-алмаз, я малейшую неровность вижу. Учитесь, пока я жив.

– Где эти падлы? – раздался от входа голос матери.

Федька затравленно оглянулся, ища пути к бегству, и пугливо вжался в угол, с тревогой поглядывая на перекрытую матерью свободу.

– Сейчас поубиваю! – подошла и заглянула в закуток. – Вы что творите, уроды?

– А что мы? – угрюмо спросил я, понимая, что отсюда не сбежишь.

– Вы какого рожна по грибы таскались?! – кипятилась мать. – Вам кто разрешил в лес ходить?

– Не ходили мы по грибы...

– Еще и врешь, скотина! – мать схватила молоток и двинулась ко мне. – Матери, которая тебя обстирывает и кормит, врешь??? Дед Быря вас видел!

– Да не ходили мы! – закричал я. – Это специально деду

сказали!

– Вас дед на складе видел? – встревожился отец.

– Нет, не на складе, а на перекрестке, что напротив карьера.

– Чего вас туда черт понес? – не поняла мать.

– Жерди добывали.

– Откуда там жерди?

– У бабки из плетня вытащили, – сжавшись в ожидании побоев, признался я, – что на крайней улице живет...

– Так этой склочне и надо, – сказала мать, опустив молоток. – Будет знать, как трепаться, а то язык, что твое помело.

– Мне вы сказали, что вас никто не видел, – воспользовался паузой отец. – Обмануть батьку родного пытались? За что? – жалобно всхлипнул. – За что?

– Уже набрался, – брезгливо посмотрела на него мать. – Курятники нам делать некогда, нам рюмка важнее.

– Ты, Галь, прямо как крепколобая! – горестно покачал головой. – Ничем тебя не прошибешь! Умолкни, женщина! Ты совсем без царя в голове. Я делаю самую трудную часть работы – разумно руковожу процессом. Гвозди забивать любой дебил, вроде нашего Блудного, может, а руководить это не просто молотком махать. Тут нужен талант, опыт, образование и особые знания, – покачнулся.

– Много ты в таком состоянии наруководишь? Иди лучше спать, жертва зеленого змия, – потянула его за рукав, но не тут то было.

– Уйди, женщина! – отец вырвал рукав. – Директор, как капитан корабля, покидает свой пост последним! Сама иди! У нас тут дело. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», – заголосил.

– И черт с вами! – мать развернулась и пошла прочь. – Но если насест не сделаете, падлы, то домой лучше не заявляйтесь! Потравлю! Раскособочу!

До двух часов ночи мы делали насест под тусклым светом лампочки.

– Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, – вполголоса напевал отец, – когда тревожит геморрой, ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля. Отличная штука, – наконец зевнул. – Дядя, поболтайся на нем, проверим устойчивость несущей конструкции.

– Боюсь, – брат беспокойно переминался с ноги на ногу.

– Блудный, тогда пробуй ты.

Я ухватился за доски, поджал ноги... С грохотом приземлился на пол.

– Надо доски толще делать, – посмотрел на развалины отец. – Завтра так и сделаем, а теперь пора спать.

– А мамка? – спросил Федя.

– Что мамка? Сиську потерял?

– Она же сказала, что не пустит домой.

– Она спит давно, – отец устремился из сарая. – Если проснется, скажем, что сделали. Мозги у нее куриные, слепога тоже, ночью все равно проверять не пойдет.

– Пап, тебя правда зеленая змея укусила? – потянулся за отцом Федя.

– Знаешь, есть люди, которые страдают запором, но есть и другие, – отец остановился и оглянулся.

– Какие?

– Которые запором наслаждаются, хи-хи-хи. – Пошел одальше. – Блудный, табурет не забудь, а то сопрут.

На утро мать первым делом ломанулась в сарай. Прибежала обратно взбешенная.

– Вы что там настроили, бездари???

– А что случилось? – безмятежно спросил отец, намазывая на толстый кусок вареной колбасы смесь сметаны, горчицы и хрена.

– Что вы сделали???

– мать задохнулась от негодования. – Какая-то этажерка, а не насест.

– Насест сделали, – отец со вкусом вгрызся в бутерброд – согласно мировым стандартам. Ты, Галина, не видишь дальше своей тарелки, – стремительно очищая сковороду, степенно рассуждал.

– Чего это я не вижу? – начала лихорадочно метаться по прихожей. – Ась? – приложила ладонь к уху, будто прислушиваясь.

– Конструкция собрана, осталось утвердить ее на опоры.

– На какие такие опоры? Эта груда хлама по-твоему на что-то годна?

– По-моему, да, – отец вымокал сковороду недоеденным

кусочком хлеба и протянул его Феде. – На, полуночник, ешь, заслужил.

Федька жадно проглотил пропитанный жиром кусок.

– Размеры продуманы, – продолжал отец, – все просчитано.

– Я тебе не скотница какая-то, чтобы в этом разбираться, хлевниках всяких! – вспыхнула мать. – Только ваша конструкция может рухнуть с опасностью для жизни.

– Исключено, – авторитетно заявил отец.

– Хорошо, – взяв себя в руки, плюхнулась на стул, – если все действительно так, то когда кур привезем?

– Кур? – отец встал из-за стола и рассеяно почесал лысину. – А вот сегодня и привезем, – понизив голос, скрылся за дверью.

Мать вопросительно посмотрела на нас.

– После завтрака идите свой насест утверждайте. К вечеру чтобы стоял, как камень, – встала со стула и пошла собираться на работу. – И посуду не забудьте помыть, – обернулась на пороге спальни. – А то привыкли за мамкиной спиной прятаться, спиногрызы.

Она ушла на работу, мы стали греть в большой кастрюле воду для мытья посуды.

– Как нам сделать этот подсест? – волновался Федька. – Она нас убьет!

– Бруски по бокам вместо досок заколотим, они лучше держаться будут.

Бруски помощнее привычно добыли на складе. Весь день колотили.

– Я так оглохну скоро, – пожаловался Федор.

– Если не сделаем, то оглохнуть не успеешь, – разгибая уставшую поясницу, успокоил я, – мать раньше придушит. Потерпи, сделаем и отдохнем тогда.

– У них же еще и мясо вкусное? – осторожно спросил брат.

– Ну... да, – сам я куриное мясо видел только в больничных бульонах, – вроде свинины, только светлее.

– Жирное?

– Ну... – все мои знания о курах исчерпывались электронной игрой «Ну, погоди», отнятой братом у нашей двоюродной сестры Маринки.

IV

– Где он пропадает? – волновалась пришедшая с работы мать, хлеща чай из стакана. – У меня уже прямо мозги врозь от волнений.

– Чего ты волнуешься? – спросил Федя.

– Потому, что у меня интуиция...

– Здрасьте вам в шляпу! – в дверях показался отец с мешком за спиной.

– Приехал! – возликовал Федя. – Ура, дядя Федор приехал!

– За мной! – тоном зовущего на штурм крепостной стены заорал отец и пошел в сарай.

Мы, оживившись, бросились следом.

– Вот тебе и юбилей! – пришлепнул каблуками штиблетов отец и, опрокинув дерюжный мешок, выпустил под тусклый свет лампочки четырех понурых куриц. – Вот наши красавицы!

– Это что? – мать брезгливо ткнула пальцем в птичье прибавление. – Ты их с колбасного завода выкупил или на помойке подобрал?

– Отличные куры, – фальшиво улыбнулся отец. – Брюнгильдская порода, дипломированные.

– Сережа, ты где их взял? – подозрительно уставилась на него мать.

– Купил! – гордо выпятил грудь отец. – Там еще петух... – пнул мешок. – Вылезай, пернатый.

Из мешка выбрался помятый ощипанный птиц, напоминающий «блудного попугая» и затравленно огляделся по сторонам. Заметив отца и безошибочно признав в нем главного, мелкими шажками подобрался к нему и замер у ног, склонив голову набок и свесив крылья, похожие на пыльный потертый половик.

– М-да, – мать скептически осмотрела приобретение. – Обогатились...

– А что такого? Что такого? – петушился отец. – Могла сама поехать и купить.

– Ты же специалист!

– Я директор, а не куровод! – задрал нос отец.

Петух повторил его движение.

– Ничего нельзя доверять!

– Да ну тебя! Нормальные куры и совсем недорого. Петух так вообще красАвец.

– Ты посмотри на них! Ели на ногах держатся! Их же надо подсаживать на насест!

– Это у них акклиматизация. Придут в себя и взлетят. Глянь, какие у петуха глаза умные.

Словно подтверждая, петух вдруг звонко закукарекал. Федя в страхе шарахнулся, ударившись спиной о стенку:

– Чего это он?

– Он так время отмеряет, – солидно объяснил отец. – Я

раньше любил вставать с первыми петухами.

– И сколько сейчас времени? – заинтересовался брат.

– Без трех минут пять, – отец посмотрел на часы. – Спешит немного.

– Может его подвести можно?

– Я тебе не Лысенко, кур воспитывать!

– Два дебила, – прокомментировала мать, – что сын, что отец, два сапога пара. У обоих мозги набекрень.

– Да ну тебя! – отец в сердцах пошел домой.

Мать подняла ближайшую курицу и усадила на насест. Та крепко вцепилась в перекладину, со страхом глядя на нас.

– Висит, – прокомментировал Федя и подошел поближе, чтобы лучше видеть.

– Еще бы, – подтвердила мать и посадила на насест вторую курицу. – Ваш батя из-за своей лени даже в носу поковыряться не может. Без меня бы давно загнулся. А за мной как за каменной стеной, – третья курица оказалась на третьей перекладине.

– Как счеты, – сказал Дядя, созерцая эту картину.

– Есть такое, – подумав, согласилась мать. – Блудный, посади петуха.

Я осторожно подошел к птице, которая с сомнением смотрела на меня, и попытался взять в руки. Петух вежливо, но настойчиво освободился и, сделав от меня шаг, снова застыл. Я опять взял его и снова он вывернулся.

– Такой же немощный, как батя, – язвительно сказала мать

и, ловко подхватив птица, поставила его на насест.

Взмахнув крыльями, петух приземлился на пол.

– Тупой, как и все мужики, – вздохнула мать. – Сиди внизу, пускай на тебя серут, – решила она.

– А он сам взлететь не может? – спросил Федя.

– Ты что, дурак? У домашних кур крылья ни чтобы летать, а чтобы хлопать, декоративные. Пошлите домой, бестолочи.

– А когда они яйца снесут? – словно щенок забегаая вперед и преданно заглядывая матери в глаза, спросил Федя.

– Бог даст, завтра начнут.

– А много они несут?

– По яйцу в день при хорошем раскладе.

– А у нас расклад хороший? – не унимался брат.

– Как кормить и заботиться будем.

В прихожей за столом сидел отец и задумчиво смотрел в окно на двор сквозь граненый стакан с коньяком.

– Как светофильтр, – философски заметил он. – Меняет освещение и давление.

Судя по полупустой бутылке, это был не первый стакан.

– По какому поводу банкет? – сварливо осведомилась мать.

– Прибавление в хозяйстве, – не моргнув глазом, ответил отец. – Имею полное законное право.

– Чем кормить твое прибавление будем?

– Я мешок зерна спер, в машине лежит. Блудный, как стемнеет, перенеси мешок в дровник.

– Сереж, ты ошалел? Ребенку такую тяжесть таскать. Он же надорвется. Сходи, сам принеси.

– Он будущий воин, пускай привыкает, – будто от назойливой мухи, отмахнулся отец. – Я в его годы уже вагоны разгружал.

– Какие ты вагоны разгружал? Где?

– Ну... – отец замялся, – ... возле деревни...

– У вас там отродясь никакой железной дороги не было, – уличила мать.

– Ну... – отец задумался и начал ожесточенно скоблить ногтями голову. Стимуляция помогла, – была, только она секретная была и никто про нее не знал.

– Дурак ты, Сережа, – разочарованно вздохнула. – И чего я только польстилась на тебя?

– Умнейше, красивше и сильнейше нас нет никого, – будто масло на сковороде, расплылся в пьяной улыбке отец.

– Помню, как ты Бартоломыю Деревяшкина изображал, прыгал по деревне с привязанной к ноге дубовой клепкой от бочки.

– Я пирата изображал, – смутился отец. – Это нормально.

– Это нормально в пять лет, – отрезала мать, – а тебе было больше двадцати тогда.

Отец пристыженно промолчал.

Вася вбежал в дом.

– Там!.. – прокричал задыхаясь.

Мужик за столом повернул к Васе испачканное кровью лицо и пристально посмотрел на него. А Вася посмотрел на стоящую перед мужиком алюминиевую миску, заполненную отломанными человеческими пальцами. На одном из пальцев блеснуло обручальное кольцо.

– Что там?

– А... – Вася было попятился я, а потом прыгнул мимо стола к креслу, хватая ружье.

– Нехорошо в отца целиться, – мужик спокойно повернулся и без страха посмотрел в стволы. – Положи ружье, а то ведь я могу, как Тарас Бульба: Я тебя породил, я тебя и убью.

Я поразился внешнему сходству наших отцов. Интересно, а односельчане его заметили? Или это лишь причуды сна?

– Шпучечник – это ты? – Вася лихорадочно взвел курки, внимательно следя за движениями Виктора Владимировича.

– Папку? Родненького? – Виктор Владимирович пустил слезу из левого глаза, всхлипнул. – Да, нахаленок?

– Да...

– А сможешь? – слеза исчезла, Виктор Владимирович с прищуром смотрел на Васю. – Кишка не тонка в живого человека стрелять?

– Смогу.

– Да ну? – усмехнулся. – Ша! – резко выбросил руки в сторону сына.

Вася рванул спусковые крючки. Курки сухо шелкнули. Бывший директор улыбнулся и вытер рукавом рубашки окровавленные губы.

– Оружие проверять надо, щенок, – показал на стоящие на столе патроны. – Или ты думаешь, я такой дурак, оставлять заряженное ружье?

Вася бессильно кусал губы, глядя в наглое лицо. Положил обратно бесполезное оружие.

– Садись, сынку, да поговорим, как дальше жить будем. Сядем рядком, да поговорим ладком.

– А мы будем?

– Зависит от твоего поведения.

Вася подошел к столу с торца, покосившись на дверь, взял табурет и поставил по другую сторону стола. Сел.

– Молодец, – Виктор Владимирович удовлетворенно кивнул. – Теперь поговорим.

– Шпулечник – это ты? – повторил Вася.

– С чего ты взял? – казалось, он искренне удивился. – По твоему, я Каин, чтобы брата своего убивать?

– Ты же мамку убил...

– Танька была глумная, тянула нас как балласт на дно. А сейчас такое время, сынок, такие возможности, а она все зудела и зудела, чисто зудень. В общем, я ее того, – провел ногтем большого пальца себе по горлу и скорчил злобно-глумливую гримасу, – бритвой по горлу и в колодец.

– А Трапезовых? Ты?

– Как же я мог их убить, если я был в Толмачовке, а они тут? – удивился директор.

– А кто их?

– Шпулечник, кто же еще, – Романин подмигнул сыну.

– И участкового?

– Филаретова убили? – директор вроде как удивился.

– Да.

– Жалко, хороший был мужик. С ним можно было договориться, а то дадут какого-нибудь «сапога» -служаку и что тогда? Как дела делать?

– Какие дела? Ты мамку убил! – лицо Васи искажилось. – Как ты это будешь объяснять?!

– А никак, – Романин-старший пожал плечами, – скажу, что она в Толмачовке осталась. Будет числиться пропавшей без вести, – хихикнул. – Отвезем вечером на ферму в отстойник, она в навозе растворится.

– А Димка?

– Что Димка?

Сон вдруг скакнул, будто взбешенный необъезженный мустанг из книги Майн Рида. Я оказался во дворе. На ободке-кострище стояла с поднятыми к небу руками фигура в плаще, но это был не Шпулечник: плащ был светлым – бежевый югославский плащ, недавно появившийся у отца. Фигура подняла склоненную на грудь голову. На меня смотрел отец.

– Пап? – неуверенно спросил я.

– Я тебя породил, я тебя и убью.

Опустил левую руку вниз, ловко поймал выскользнувшую из рукава серебристо блеснувшую дудочку.

– Номер «Слон редкий, полосатый». Исполняется впервые.

Приставил дудочку к губам и заиграл мелодию Карбофоса из «Следствие ведут Колобки». Не знаю почему, но мне вдруг стало холодно и страшно от знакомой с детства мелодии. Доиграв, отец спрятал дудочку в правый рукав и раскланялся. Послышались тихие аплодисменты. Я вздрогнул и оглянулся. Перед верандой была вереница стоящих на задних лапах и аплодирующих передними лапами крыс.

– В Гамельне¹ мне бы цены не было, – самодовольно ска-

¹ Гамельнский крысолёв (нем. Rattenfänger von Hameln), гамельнский дудочник – персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно. Легенда о крысолове, предположительно возникшая в XIII веке, является одной из разновидностей историй о загадочном музыканте, уводящем за собой околдованных людей или скот. Подобные легенды в Средние века имели весьма широкое распространение, при том, что гамельнский вариант является единственным, где с точностью называется дата события – 26 июня 1284 года, и память о котором нашла отражение в хрониках того времени наряду с совершенно подлинными событиями. Всё это вместе взятое заставляет исследователей полагать, будто за легендой о крысолове стояли некие реальные события, уже со временем приобретшие вид народной сказки, однако не существует единой точки зрения, что это были за события или даже когда они произошли. В позднейших источниках, в особенности иностранных, дата по непонятной причине замещается иной – 20 июня 1484 года или же 22 июля 1376 года. Объяснения этому также не найдено. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Га->

зал отец. – Но зачем нам какой-то Гамельн, нас и тут неплохо кормят. Знаешь, сынку, – почесал затылок, – я вот тут подумал... мне нужна волшебная шляпа...

Крысы тоненько захихикали и снова зашуршали аплодисментами, будто тысячи майских хрущей, трущихся друг о друга.

– Мама, мама, что я буду делать? – запел отец, приседая и нелепо взмахивая руками, словно пугало, сорванное с шеста ураганом, уносящим домик Элли из Канзаса в Волшебную страну. – Мама, мама, как я буду жить? У меня нет теплого пальтишка, у меня нет теплого белья. Ку! – присел, широко раскинув руки.

Распахнувшиеся полы плаща подтвердили, что отец не врал насчет теплого белья – он был совершенно голым под плащом.

Крысы снова взорвались волной хихиканья и шорохом аплодисментов.

– Тихо, тихо, дорогие серые товарищи, – отец выставил перед собой правую ладонь.

Крысы послушно затихли.

– А теперь, дорогие серые товарищи, вспомним чудесный мультфильм про человеческого детеныша Маугли. Итак, вы слышите меня, бандерлоги?

– Мы слышим тебя, Ка-а, – пропищали крысы.

– Подойдите ко мне, бандерлоги.

Крысы струйкой потянулись к ободу. Тьма, свернувшаяся вокруг обода, шевельнулась, внезапно ожив. У ног отца задрожала плоская змеиная голова.

– Ближе, бандерлоги, – зловеще шептал отец. – Ближе...

– Да, Ка-а-а, – пищали крысы, приближаясь.

Змеиная пасть распахнулась, метнувшись вперед и проглотила первую крысу. По туловищу змеи неспешным узлом скользнуло утолщение проглоченной крысы. Я почувствовал тошноту.

– Завтрак, – разглагольствовал отец, – залог полноценного питания. А правильное питание есть путь к активной жизни и долголетию. Ты как, Ка-а?

Змея повернула голову к отцу. Стремительный бросок и голова змеи оказалась на уровне лица отца.

– Спокойно, Наг, спокойно, – отец опустил правую руку, подхватил выскользнувшую из рукава дудочку. – Теперь, после почек один раз царице, танцуют все!

Начал наигрывать на дудочке, покачивая ее концом перед раздувшей капюшон, как у кобры, змеей. Крысы разбились на пары, схватились за передние лапки и начали кружиться в вальсе. Пульсируя в такт мелодии, по змеиному телу опускались комки проглоченных крыс. Меня вырвало от омерзения.

Разбудил меня крик матери.

– Поубиваю, безрукие!

– Галь, что опять случилось? – зевнул отец.

– Обвалилась ваша хреномантия!

Оказалось, что ночью куры собрались на одной перекладине и она сломалась.

– Ничего нельзя доверить! – бушевала мать. – Насест и тот не в состоянии сделать!

Возвращаясь из сарая, подошел к тому месту, где стоял во сне. Возле забора блестели на солнце покрытые росой остатки непереваренной пищи. Значит, это был не сон? Или я просто схожу с ума? Или хожу во сне, как лунатик?

– Чего там, Блудный? – на плечо легла тяжелая рука отца.

– Да нет, ничего.

– Тогда пошли завтракать. Время не ждет. Спать некогда: нынче день год кормит.

За завтраком мать бушевала и стучала стаканом по столу. Мы с братом виновато молчали, а отец, схватив колбасу, ушел из дома без завтрака.

Через два часа привез толстые круглые палки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.